

Страх не было.

Впервые оказавшись на поле сражений, он тем не менее не испытывал ни капли ужаса.

Ни от громкой канонады пушек, разрывающей воздух. Ни от внушительного вида Льва — пятидесятитонного многоногого беспилотного танка. Ни от запаха жженого металла, лезущего в кабину, или от постоянной дрожи, отдающейся гулом в животе, двигательной установки агрегата.

Ни от вездесущих непрекращающихся стенаний.

Ни от сцены взрыва рядом шагающего союзного агрегата, во фланг которого сразу после столкновения с вражеским дроном влетел бронебойный снаряд, низведя его до кучи алюминиевого сплава, крови и внутренностей.

Этот агрегат пилотировал его самый близкий друг в учебном лагере.

Обучение велось меньше месяца, но за это время его веселый тембр голоса и яркая улыбка успели отложиться в памяти.

Все произошло в мгновение ока. БОПС Льва вылетел с начальной скоростью в тысяча шестьсот пятьдесят метров в секунду. Он поразил цель до того, как рев пушки достиг ушей. Ускорение движущегося снаряда с сердечником из обедненного урана придало ему большой вес и взрывную энергию, которые без усилий пробили хилую броню Джаггернаута. Хрупкое человеческое тело внутри агрегата разорвало на части едва ли не с комичной легкостью.

Пилот, скорее всего, погиб мгновенно. Еще даже прежде, чем успел понять, что произошло. Пока он не мог сказать, была ли такая смерть спасением или нет.

Быть может, дело в цвете трескучего пламени или запахе сгоревшей крови. А возможно, в вони горелой плоти, парящей по полю боя. Что бы это ни было, оно переключило его сознание. Он не знал о существовании этого переключателя, да и не мог узнать за свою короткую и мирную до того момента жизнь.

Переключатель для инстинктов борьбы.

Он почувствовал смену цели врага. Он мог каким-то образом сказать, что внутренний механизм автоматической перезарядки Льва приготовил следующий снаряд. К тому времени, как ствол через мгновение начал поворачиваться, он уже тянул рычаги управления на себя, перемещая агрегат по траектории уклонения.

Пушка взревела.

Снаряд пролетел мимо, ударные волны хлестнули по броне. Тонкая обшивка из алюминиевого сплава заскрежетала, но не треснула, хотя она и была слабой. Зданию позади не посчастливилось попасть под перестрелку. Оно издало мучительный, грохочущий плач, когда бетонные недра вылились на землю.

Прицел его агрегата, его Джаггернаута, скорректировался. После уклонения назад по диагонали, перед ним оказался незащищенный фланг Легиона.

Не отрывая от машины глаз, юный одиннадцатилетний процессор, известный под именем Шин'эй Ноузен в те времена, когда в нем видели человека, открыл огонь.

□

После победы над одним Львом в сражении четыре на одного, другая команда из двух нарождающихся Джаггернаутов столкнулась со вторым, и немедленно попала под огонь.

— Курусу?! Ох... О, нет...

Словно видя через завесу пушистого снега и рядов Легиона, капитан отряда Алебарда, первого оборонительного тридцать пятого района военных действий восточного фронта, цокнула языком. Элис Лараш.

Тейто Курусу, погибший в этом столкновении, был многообещающим процессором среди новобранцев, которых бросили на поле сражений без должного обучения. Он схватывал все на лету, в нем имелись стержень и храбрость, а еще он мог принимать четкие, веские и сложные решения. Он был кем-то вроде лидера у юных процессоров.

Элис рассчитывала, что он справится в тылу на позиции подавления огня. Но она ошиблась. Даже с учетом неукomплектованности отряда — численность упала ниже полной вместимости в двадцать четыре члена, — она не должна была ставить в пару нарождающимся исключительно таких же новичков.

Легион превосходил их во всем, и бороться с ним — это геркулесов труд. Как утверждалось, лишь один процессор из тысячи выживал в первый год службы. Вот в какой ад их выбрасывали.

Уцелевший Джаггернаут не двигался. Думая о сдержанном, молчаливом юноше, сидящем в его кабине, Элис горестно стиснула зубы. Этот ребенок-солдат был одного возраста с Тейто, но вместе с тем он полная его противоположность — мальчик, низкорослый даже среди сверстников. Некой частью бесстрастного разума она подозревала, что он не проживет так уж долго.

Джаггернаут все не двигался. С замедленным и растянутым восприятием времени из-за адреналина в крови Элис наблюдала, как он смирно стоял, будто сжался перед лицом машины, что безжалостно убила его партнера.

Поблизости не было союзных агрегатов, которые бы подсобили. И хотя Элис хотела прийти на помощь, она сама была в окружении роя врагов.

Слишком поздно. Ничто ему не поможет. И несмотря на это, она все равно его окликнула:

— Ноузен! Убирайся от...

Но затем Джаггернаут пришел в движение.

□

5

57-мм танковый снаряд точно поразил заднюю часть башни Льва... после, к несчастью, от ricochetив.

— ...Не получилось, — прошептал Шин, глядя на изображение на оптическом экране.

Броня вокруг башни была особенно толстой. Об этом ему говорили, но, по-видимому, главное вооружение Джаггернаута не могло пробить с наскока даже слабо бронированный относительно передка тыла башни.

Оптический сенсор и ствол Льва повернулись в его сторону. Увидев это, Шин переключился на вспомогательное вооружение, пару 12.7-мм тяжелых пулеметов... от которых также мало проку, разумеется. Но вследствие повреждения одного из сенсоров Лев на секунду застыл, что дало Шину вовремя уйти с линии огня.

Пулеметы на башне Танка повернулись вдогонку. В отличие от Льва, даже передняя броня Джаггернаута не могла заблокировать пули. Шин отступил, чтобы избежать шквала огня. Затем он резко дернулся вбок, уклоняясь от снаряда 120-мм пушки.

Шин остановился, сделал один резкий вдох. Пулеметы бесполезны. Им не доставало огневой мощи, чтобы нанести хоть малейший ущерб, по крайней мере Льву. С позиции скорости реагирования Джаггернаут был крайне заторможенный. Оружие собрали наспех: оно медленно прыгало и поворачивалось, и даже отсутствовала работающая должным образом система фиксации на цели.

В данный момент он никак не мог обогнуть врага и занять позицию, откуда можно нацелиться

на вершушку башни — или низ с относительно тонкой броней. Глядя на большой, внушительный силуэт врага, кроваво-красный взгляд Шина сделался ледяным. Его глаза каким-то образом приобрели ту же искусственную, безжалостную остроту оптического сенсора Льва.

И затем...

□

Когда он уклонился от первого выстрела Льва, Элис посчитала это за подарок судьбы или случайность. Но потом, когда он ушел от огня тяжелых пулеметов и второго снаряда из пушки, она признала, что дело не может быть просто в удаче.

Технически Джаггернаут был фердресом, многоногим бронетанковым оружием, тем не менее его подвижность оставляла желать намного лучшего. И Шин уклонился от Льва медленными тягучими маневрами. Затем он понесся по направлению к машине.

Поняв, о чем подумал юноша, Элис невольно содрогнулась от ужаса. 57-мм пушка Джаггернаута слишком слаба. С ней, может, и удалось бы расправиться с легкобронированным Легионом, вроде Муравья, разведчика, и Волка, егеря, но тяжелобронированная цель в лице Льва, танка, — совсем другое дело. Главное вооружение Джаггернаута не способно нанести ущерб передней броне, и, в зависимости от расстояния, снаряду даже тыловая может быть не по зубам.

Но если подобраться ближе, он мог сохранить кинетическую энергию до удара путем сведения к минимуму дистанции, которую преодолевает снаряд. Теоретически должно сработать. Но у Льва имелись 120-мм танковая башня с высокой огневой мощностью, 650-мм герметизированная стальная обшивка и абсурдная маневренность, присущая всем машинам Легиона. Бросать вызов такому чудищу в ближнем бою казалось самоубийством.

Особенно с учетом того, что исполнял это ребенок-солдат, впервые ступивший на поле боя.

Лев пришел в движение. Пятидесятитонная массивная машина тихо неслась вперед, будто издеваясь над неуклюжей попыткой неповиновения Джаггернаута. Легион был удостоен высокоэффективными приводами и амортизаторами, которые заглушали передвижение. За мгновение ока достигнув своей максимальной скорости со статичного положения, машина подобралась к Джаггернауту.

Танк размахнулся своей похужей на кол ногой в попытке втоптать вставшее на пути наглое насекомое, когда Джаггернаут Шина запустил анкер вниз по диагонали.

Сматывающийся трос протащил Джаггернаут по земле: он увернулся от направленного на него

удара и проскользил подо Львом.

И затем он выстрелил из пушки. В упор.

В этот раз он целился в заднюю часть фюзеляжа — слабо бронированная область в сравнении с башней. И залп проводился с близкого расстояния, нетипичным для танковой башни, с учетом идеально подобранного момента, когда враг не сможет уклониться.

БОПС поразил цель, наконец пробив броню. Он разнес внутренние механизмы Льва, отчего металлического гиганта объяло пламя. Мигом позже сработал взрыватель сердечника из обедненного урана. Это вызвало детонацию боеприпасов в башне, и ствол разорвало единым взрывом.

— Что?!

Через синхронизацию она услышала возглас удивления от одно из членов отряда.

И она не могла винить его за это. Элис сама только и могла, что с недоумением таращиться на эту сцену. Остальной Легион несмотря свою суть — машины по истреблению всего живого — тоже застыл на месте, будто никак не удавалось осмыслить произошедшее.

Черное пламя вырывалось из металлического силуэта Льва, плавя снег вокруг. Свет от пламени отбрасывал алую тень на броню неподвижного Джаггернаута. Агрегат с обшивкой цвета слоновой кости выглядел нетронутым.

□

Он походил на зловещий скелет, ползающий по полю боя в поисках потерянной головы.

4

Пять лет назад вспыхнула война с автономными боевыми дронами, известными как Легион. И после этого Элис и другие вроде нее перестали быть людьми.

Их родину, Республику Сан-Магнолию, населяли преимущественно Альбы с серебряными глазами и серебряными волосами. Все другие цветные расы признали врагами. Элис не видела в этом никакой логики. Но так или иначе, а ее вместе с остальными выслали из безопасных восьмидесяти пяти административных секторов за стены. Изгнали из рая, куда открывался вход только для Альб — то есть людей.

И сослали их в несуществующий восемьдесят шестой сектор. Вынудили жить в лагерях для интернированных и на поле боя, считаясь с ними как со свиньями в человеческом обличье — так

называемыми «восемьдесят шесть».

Национальная политика Республики включала гуманизм, поэтому было решено не отправлять на поля сражений граждан. Однако им не удалось разработать дронов под стать Легиону. Национальная оборона столкнулась с идеалами, но вскоре нашлось довольно простое решение.

□

Поскольку «восемьдесят шесть» — не люди, управляемые ими машины могут считаться беспилотниками.

□

И так родилась беспилотная боевая машина, Джаггернаут. «Восемьдесят шесть» поместили в них как «процессоры». Республика дала высокую оценку Джаггернаутам: передовое, гуманное оружие позволило свести число человеческих жертв на поле боя к нулю. И Элис с «восемьдесят шесть» до сих пор рискуют своими жизнями в ежедневных сражениях с Легионом.

Все «восемьдесят шесть» — не только процессоры — довольно юны. За первые несколько лет сражений большинство взрослых «восемьдесят шесть» погибло, остались только дети.

Элис оглядела свой отряд из ребят. В свои семнадцать она была здесь самой старшей. Они находились на передовой базе восточного фронта, от стены Гран-Мюр их отделяли сто километров и противопехотные, противотанковые минные поля. В бараках — здание, успевшее выцвести под воздействием солнечного света и дождя — каждый собрался в прилегающем к ангару конференц-зале.

— Хорошо поработали сегодня, ребят... К сожалению, не могу сказать, что у нас получилось сегодня никого не потерять, но жару вы дали.

Длинные прямые черные волосы. Темные раскосые глаза. Элис стояла в конференц-зале: статную фигуру подчеркивала полевая камуфляжная форма. Вокруг ее шеи был обернут небесно-голубой шарф, придающий шарм непревзойденной красоте девушки.

Ее взгляд упал в угол зала, и бледные ненакрашенные губы скривились.

— ...Шин'эй Ноузен. Из всех присутствующих именно ты решил вздремнуть на моем собрании? Смелости, смотрю, тебе не занимать.

На выговор мальчик, клюющий носом на простеньком стуле в задней части зала, выпрямился. Он посмотрел на нее своими характерными кроваво-красными глазами совсем как ребенок, кем он вообще-то и являлся. Его угольно-черные волосы были темнее даже оттенка Элис, а

противопоставлялось им белое, будто мрамор, лицо. Полевая форма была ему не по размеру, поскольку изначально предполагалось, что носить ее будут взрослые. Она опустила взгляд: глаза остановились на малоприятных на вид бинтах, торчащих из-под воротника.

— Мне жаль, — произнес он высоким, еще не глубоким, голосом мальчика.

Тон начисто лишил ее намерений поругать его и углубил саркастическую улыбку. Что-то в нем напомнило ей члена семьи — того, чей голос уже навсегда останется высоким и не сломавшимся.

— Да все нормально. Сегодня ты впервые вступил в бой, должно быть, сильно устал... Мы все-таки лишь части беспилотников. Свиньи вроде нас могут сколь угодно подражать славным республиканским солдатам, но это будет фарсом, не более.

Будучи беспилотником, Джаггернаут не проявлял никакого гостеприимства нелюдям-процессорам. Кабина была тесной. Бакелитовые сиденья — неудобные и жесткие, лишенные всякой эргономики. И тонкая алюминиевая обшивка, броня лишь по названию, едва уберегала пилота от избыточного тепла силовых установок и мощных вибраций четырех ног.

Люди могли адаптироваться к чему угодно, но по началу новобранцам с неразвитыми телами малолеток приходится очень тяжело. От боевых маневров конечности ломило, от чего множество детей становились неспособными сражаться, и как следствие, от них избавлялись. Усугублялось все абсурдной интенсивностью битв, в которых их вынуждали участвовать.

— Ну, уверена, среди вас найдется немало тех, кто готов вырубиться прямо сейчас, поэтому закончим сегодняшнее собрание на такой вот ноте... Ноузен, можешь поспать. Ты только убедись, что дошел до своей комнаты.

Легкое подтрунивание Элис позволило выжившим членам отряда издать первый за долгое время смешок. У части новобранцев, вынужденных наблюдать за смертями друзей, все еще были напряженные лица, но даже их губы скривились в слабой улыбке.

И среди них она заметила, как один мальчик с красными глазами сидел с опущенной головой, не проявив ни капли эмоций. Это встревожило ее.

□

— Могу я спросить кое о чем, Элис? Капитан?

Хотя базу по большей части обосновали юноши и девушки, бригада обслуживания Джаггернаутов являлась исключением из этого правила. Тем, кто входил в команду, преимущественно было за двадцать. В основном это бывшие солдаты, решившие остаться на поле боя, или получившие ранение «восемьдесят шесть», которых назначили на работы по

техническому обслуживанию. В отличие от легко расходуемых и заменяемых процессоров, профессиональные знания в сфере ремонта считались важными, и высоко оценивались. И поэтому даже от неспособных сражаться «восемьдесят шесть» избавиться было не так просто.

— Насчет вот этого агрегата. Им ведь заправлял один из сопляков, так? Это как можно ухитриться за один только бой привести подвеску в настолько ужасное состояние?..

Гурен, командир бригады обслуживания, адресовал вопрос Элис с кислым выражением лица, его руки лежали на неподвижном Джаггернауте. Этот молодой человек с красными волосами был на семь лет старше ее.

Он три года прослужил механиком в первом оборонительном отряде тридцать пятого района боевых действий. Гурен знал, какими свирепыми тут могут быть сражения, и раз он выразился именно так, значит агрегат действительно был в плачевном состоянии.

— Все настолько плохо?

— Привод на соплях держится. Чинить смысла никакого, придется полностью разбирать и менять, — сказал он, затем впился в Элис своими синими глазами, словно требовал ответа.

— Ну, веришь или нет, он схлестнулся со Львом один на один, — произнесла она.

Гурен приоткрыл рот.

— ...Серьезно?

— Ага. Более того, он в одиночку его и одолел. Затем, правда, ходовая вышла из строя, так что пришлось оказывать ему поддержку... Но это его первая битва. Новобранец, совсем малой еще. Меня в дрожь бросало.

И понятно почему. Для большинства новобранцев было везением в своем первом бою не подстрелить товарища по ошибке. А с учетом высокой смертности в восемьдесят шестом секторе, изрядная часть расстанутся в лучшем случае с обедом в желудке, в худшем — с жизнями. «Хорошо постарались» для них означало просто вернуться живыми.

Разница между машинами Легиона и Джаггернаутами слишком очевидна. Империя Гиаде, технологический гигант и военная сверхдержава, создала Легион, оснатив его самыми продвинутыми технологиями и придав боевую ярость.

Джаггернаут, в сравнении, был дефектным хламом.

Посредственная огневая мощь, тонкая броня и ограниченная подвижность, которая не

располагала даже к нормальным прыжкам. Не более чем самоубийственное оружие для расходных «восемьдесят шесть», и единственное его достоинство — возможность стрелять.

Сражение с легковесными Волками уже считалось настоящим испытанием для Джаггернаута. Что уж говорить про выход против основных машин Легиона и символом его наступательной силы... Даже Элис, почти ветеран, не была уверена, справилась бы она.

— Признаю, я ошибалась насчет его. В большинстве своем дети вроде него не живут долго, но...

Она много раз видела и продолжает видеть ребят-новобранцев с тем же настроением. Ребят, которые будто лишились чего-то важного. Кто словно убил в себе эмоции, став безразличным ко всему вокруг. Дети, что избегали взаимодействия с остальными.

Они первыми погибали в восемьдесят шестом секторе. Им не удавалось заручиться поддержкой товарищей, к собственной жизни относились спустя рукава. Как правило, они не выживали в первом бою. Если не в первом..., то уже после второго точно не возвращались.

Элис, конечно, не могла их винить за такое отношение. Когда разразилась война, и ее вместе с остальными «восемьдесят шесть» сослали в лагеря для интернированных, ей было тринадцать лет. Возраст позволял в некоторой степени понять этот мир и утвердить собственное эго.

Но детям вроде Шина было на тот момент где-то семь или восемь лет. Под дулом оружия их выпроводили в лагеря для интернированных, окруженным колючей проволокой и минными полями, и вынудили жить как скот. За следующие два года они потеряли своих родителей, бабушек с дедушками и братьев и сестер... Ни один ребенок не сможет пройти через это и остаться без душевных шрамов.

Более того, Шину пришлось тяжелее. По его венам текла имперская кровь дворян, связывающая его с создательницей Легиона. Подобных ему людей в лагерях обвиняли в войне и ненавидели. Он относился к той родословной, навлекавшей на себя дискриминацию.

В этом плане не все ущемленные «восемьдесят шесть» — невинные жертвы. Мир всегда был беспощаден и холоден к меньшинствам и слабым.

— ...Так тот ребенок, Шин, кажется? — фыркнул Гурен. — Ты должна приглядеть за ним.

На ремарку Элис озадаченно моргнула.

— Ну... для меня, как для капитана отряда, естественно присматривать за ним. К чему ты это?

Гурен отвел взгляд и уставился на Джаггернаут перед ним.

— Не то чтобы я «видел» ясно, но... Думаю, он боится детей постарше. Где-то твоего возраста. Они выше, их голоса глубже...

— ?..

Гурен обладал сверхъестественной способностью «видеть» человеческие эмоции. Он вроде бы унаследовал ее по отцовской линии, и она едва проявлялась. Но в прошлом способность совершила благое дело для Элис. Поэтому она не станет сомневаться в его словах.

— Но, к счастью, ты девушка. Кажется, тебя он пока не боится. Поэтому и подумал, что стоит об этом сказать.

— Что-то... произошло в учебном лагере? С ним... жестоко обошлись?

Понятие общественного порядка искрошилось еще в лагерях для интернированных, а республиканские солдаты, которые редко контактировали с «восемьдесят шесть» в учебных школах и во время перемещения в транспорте, были теми еще отбросами, если выражаться мягко.

— Ну, ничего такого я не вижу, так что не знаю, но... Могу поспорить, это как-то связано с его шеей. Ее сжимают эмоции... как ошейник или цепь, они душат его под теми бинтами.

— ...

У всех процессоров в затылок было вживлено рейд-устройство для парарейда. Оно незаменимо для выживания на поле боя восемьдесят шестого сектора, но Республика имплантировала его довольно грубо и болезненно.

Искусственный нервный кристалл вживлялся подкожно, но в редких случаях процессор получал ущерб спинному мозгу, что приводило к параличу. От таких, конечно, сразу избавлялись. Процедура проводилась без анестезии или малейшей дезинфекции, поэтому оставленные после нее раны необязательно заживали.

Элис всегда думала, что Шин обвязывал шею бинтами как раз из-за такой раны, которая не успела зажить после имплантации, но, видимо, дело совсем не в этом?..

— ...Поняла. Я пригляжу за ним.

3

На следующий же день Элис попала в тревожную ситуацию с тем юношей.

— ...отвернулся буквально на две секунды, а его и след простыл. Черт, вот кто знает, может, Ноузен сам ушел куда-то...

После патрулирования к ней с бледным лицом подошел капитан одного подразделения и доложил, что Джаггернаут Шина пропал. Элис встряхнула головой в попытке отмахнуться от надвигающейся мигрени.

Из-за мощных глушилок Легиона, поденков, радары и радиопередачи были малоэффективны. И во избежание внезапных атак процессоры вынуждены патрулировать зоны боевых действий. Иногда они сталкиваются с передовыми силами Легиона, что может привести к полноценным сражениям. Для всех подразделений патрулирование сделалось стрессовой рутинной.

И в разгар этой нервотрепки самый юный среди новобранцев пропал.

— ...Принято. Я отправлюсь на его поиски со своим взводом. Остальным взводам — продолжать патрулирование.

□

К счастью, она довольно быстро нашла мелкого нарушителя спокойствия.

— Ноузен.

Услышав голос, Шин — тот неподвижно стоял над грудой заснеженных обломков — обернулся.

Легион смел армию Республики за две недели с начала войны, вынудив граждан бросить обширные участки своих территорий и запереться за стенами. В результате городские руины, теперь представляющие собой поля сражений восемьдесят шестого сектора, были лишены следов присутствия человека...

...если не считать нелюдей «восемьдесят шесть».

Элис вышла из Джаггернаута и подошла к нему, горестно улыбаясь. И почему она считала его зрелым и послушным? Глядя на него сейчас, становилось ясно, что он самый настоящий неугомонный мальчишка.

— Я задалась вопросом, что могло произойти, когда ты исчез посреди патрулирования... Никогда не знаешь, где засел Легион. Больше не уходи в самоволку.

Даже Лев, пятидесятитонная машина, могла передвигаться бесшумно. Бывали случаи, когда процессор не замечал Легион до тех пор, пока лицом к лицу не сталкивался с механическим чудищем.

— И гулять вот так по полю боя вне агрегата... Ты погибнешь в ту же секунду, как тебя найдет самоходная мина.

— Мне жаль... Но сейчас поблизости Легиона нет.

Элис в замешательстве уставилась на парнишку. Говорил он до странного уверенно. Шин спустился с небольшой горы осыпающихся камней и железобетона. Он подошел к ней приглушенными, несмотря на твердую подошву боевых сапог, шагами. На плече у него болталась винтовка калибра 7,62-мм, слишком большая для детского тела.

— Так что ты тут делаешь? — спросила Элис.

Она нашла его сидящим перед горкой бетона, казалось, он что-то искал. Когда он услышал вопрос, взгляд кроваво-красных глаз потемнел.

— ...Я хотел найти что-нибудь от Тейто.

Ответ на миг лишил Элис дара речи.

— Труп вряд ли остался, поэтому хотя бы обломок его агрегата... Так мне думалось, по крайней мере.

Шин посмотрел на главную улицу городских руин, но там не осталось ничего кроме следов огня на асфальте. Ни разбитого Джаггернаута Тейто, ни уничтоженного Шином Льва. Ни даже трех легковых машин, которых подбили союзники немногим позже. Ни единого оставленного обломка.

— ...Легион собирает хлам специальными машинами... Таузендфесслеры. Они могут подчистить поле боя таких размеров меньше чем за ночь.

Те сгребали абсолютно все находки без разбору. Будь то останки союзных единиц или врага. Обломки уничтоженных агрегатов или машин, осколки снарядов, транспортные средства и летательные аппараты, брошенные на военных базах. Жадно все подчищали, и потом доставляли к брюху Вайзелов, расположенных глубоко на территориях Легиона. Вайзел — гигантские автономные фабрики, утилизирующие обломки для создания еще большего числа машин, которые выходили из него также быстро, как черный дым из выхлопной трубы.

Все это затем, чтобы уничтожить обозначенного врага: всех людей, кто не был частью империи, их создателя.

Вообще-то на передовых базах Республики имелись автономные производственные мощности, выполняющие ту же роль. Этих небольших производственных и автономных заводов хватало, чтобы предоставить все необходимое даже на поле боя. Конечно, благородные люди

отказывались покидать безопасные стены, поэтому для обеспечения «восемьдесят шесть» пропитанием им нужно было подобие автоматизированной системы подачи.

Насколько Элис знала, агрегат Тейто уже мог находиться внутри перерабатывающей печи на базе... но об этом она не заикнется перед ним. Если сказать, что в Джаггернаутах используются запчасти из обломков покореженных агрегатов, это может создать чувство, будто ради выживания поедает труп товарища. И с этой жестокой правдой Шину нет нужды сталкиваться лбом... По крайней мере сейчас.

Так или иначе, Элис улыбнулась. Она действительно недооценила мальчишку. Он мог не выказывать эмоции на своем лице. Мог казаться отстраненным к окружающему миру. На первый взгляд у него могла быть склонность избегать личных контактов, судя по тому, как в разговоре он старался не смотреть ей в глаза.

Но он не был полностью равнодушным. Как раз наоборот.

— ...Ты добрый. Хотел взять что-то на память?

Неужели он оказался на беспощадном поле боя, где смерть поджидала за любым углом, только по этой причине? Но Шин мягко качнул головой.

— Я хотел предупредить его. Но не смог.

В кроваво-красных глазах отразился слабый свет эмоции. Самобичевание?..

— Это первый раз, когда Легион оказался так близко, я не думал, что машины передвигаются с такой скоростью. Но я знал о приближении. Значит мог бы предупредить... и из-за моей неосторожности он...

Она настигла юношу и положила руку на его голову. Элис была высокой, а Шин еще не вырос. Разница в росте была весьма значительна. Когда его прервали, Шин одеревенел от удивления и посмотрел на нее. Она вернула взгляд и сказала:

— Любой, кто нуждается в предупреждениях в таких ситуациях, не жилец.

Слова были мрачными и холодными. Она продолжила, пристально вглядываясь в медленно раскрывающиеся алые глаза мальчишки.

— Такого оно, это поле боя. Если не стараешься защитить себя, рано или поздно погибнешь. И мы не будем постоянно нянчиться с теми, кто не может о себе позаботиться.

На Джаггернаутах со слабой огневой мощью основная стратегия ведения боя заключалась в

совместной работе нескольких агрегатов для подбития врага с фланга и тыла, где броня наименее толстая. Но собственным выживанием занимается каждый сам.

Не раз случалось, что кого-то застигали врасплох в разгар сражения. Когда союзные агрегаты не могли оказать поддержку. И когда все товарищи по подразделению... погибали. Такое происходило постоянно. Те, кто нуждался в прикрытии товарищей, обычно не выживали в подобных ситуациях. А ответственность за их смерти не ложилась на тех, кто не смог их защитить.

— Поэтому не позволяй смерти Тейто давить на себя. Это не твоя вина... Если уж на то пошло, я думаю, он был счастлив иметь друга вроде тебя, кто оставался с ним до самого конца.

— ...

— Просто помни о нем... Это лучшее, что ты можешь сделать для него.

И единственное — на этом поле боя.

— ...Хорошо.

— Если уж и говорить про ответственность, то виновата я, как капитан... Мне очень жаль.

Шин еще раз мягко качнул головой. Элис улыбнулась в ответ на краткий жест и опять погладила его черные волосы. Все-таки он добрый мальчик. Слишком добрый для этого беспощадного мира. Но всего через миг Шин недовольно посмотрел на нее... По-видимому, ему совсем не нравилось, когда с ним обращались как с ребенком.

Элис отпустила его: он отошел на несколько шагов, прежде чем взглянуть ей в глаза.

— Капитан Лараш...

— Зови меня Элис. Звание-то все равно только для приличия.

Чтобы избежать путаницы в цепочке командования, всем до единого процессорам присвоили звания. Но лишь номинально — к ним не относились лучше и не выплачивали жалование.

— ...Почему вы здесь, капитан?

Видимо, сходу обратиться к старшему по имени для него уже чересчур.

— О, по той же причине, что и ты... Я подумала, может, после Тейто что-нибудь осталось,

поэтому пришла посмотреть.

Она не стала рассказывать о настоящей причине: поиске маленького хулигана, ушедшего посреди патруля.

Шин вопросительно склонил голову. Элис только что сказала, что Таузендфесслер собрал обломки Джаггернаутов. Он, наверное, не понимал, зачем ей тогда приходиться сюда за вещью Тейто.

— Точно, я ведь еще не говорила об этом вам, новобранцам... Ну, объясню все, как вернемся на базу. Ты оставил своего партнера вон там. Забирайся, и давай отправляться.

Джаггернаут Шина одиноко притаился позади завалов, будто брошенный.

□

— Это надгробия тех, кто погиб вчера. Тейто Курусу, Атори Лайши, Нана Оука и Амала Кии.

Перед немногими сотоварищами — численность отряда сократилась до четырнадцати после вчерашнего — Элис держала кое-что на виду. Небольшие, всего несколько сантиметров в длину, металлические пластинки, на каждой было выгравировано соответствующее имя. На обломках, которые посчастливилось найти, имена выцарапали гвоздем. Сделаны грубовато, как и положено надгробиям.

Граждане Республики наверняка рухнут со смеху от нелепой поделки. Но здесь ни один юноша, ни одна девушка не засмеялись. Четырнадцать пар глаз, каждая с уникальным оттенком, со всей искренностью и серьезностью смотрели на металлические пластинки.

На единственное спасение, на какое они могли надеяться на этом поле боя.

— У нас, «восемьдесят шесть», нет могил. Наши имена вычеркнуты из записей, от нас даже трупов не останется. Вот это — наши надгробия. Мы выгравировуем имена погибших, и однажды наши имена также окажутся на них... Это доказательство нашего существования.

Пусть даже небольшие пластинки просто заржавеют где-нибудь на поле боя, где никто не станет оплакивать, где никто не увидит их. Пусть даже ветер и песок однажды раскрошит их, и никто уже не найдет.

— Все вы, давайте дадим обещание. Мы высечем имена погибших на обломках их агрегатов, а выживший понесет за собой. Так тот, кто выживает до самого конца, может понести с собой всех остальных к своему конечному пункту назначения.

На поле боя восемьдесят шестого сектора, где царствовал Легион, надеяться найти можно было лишь обломок Джаггернаута или кусочек металла или дерева.

— Давайте запоминать товарищей, которые сражались вместе с нами. Пусть и недолго.

Элис вот уже три года воюет в восемьдесят шестом секторе, где выживаемость процессоров менее одной десятой процента. Каждый, с кем она билась бок о бок, покинул этот мир.

Члены этого отряда, вероятно, также оставят ее.

Она заглянула в ясные алые глаза, которые смотрели на нее со стула в углу задних рядов, и улыбнулась.

Он напоминал ей младшего брата, умершего от болезни в лагере для интернированных. Будь тот еще жив, наверное, был бы одного с ним возраста. Но этому не бывать.

— Я заберу всех вас с собой, когда придет время. Поэтому вам... нечего бояться.

2

— Черт.

Она услышала панику в чьем-то голосе через парарейд. Менее чем через секунду она увидела, как Джаггернаут Шина охватило облако черного грунта. Нечто прилетело с неба, вонзившись в землю с взрывной ударной волной, отчего в воздух поднялось огромное количество осадочных пород.

Сила этой черной волны отправила легковесный Джаггернаут с Шином внутри в полет.

□

Кроваво-красные глаза Шина распахнулись. Он моргнул дважды, затем в третий раз, потом вытянул голову, чтобы осмотреться. Совершенно очевидно, он не понимал, где и как оказался. Элис сидела рядом с тесной металлической кроватью и наблюдала за ним, размышляя, что его реакция вполне закономерна. Она захлопнула книгу в твердом переплете, которую держала в руках, и окликнула его:

— Очнулся, Ноузен?

— ...Капитан.

Он ответил хриплым голосом, но тон и взгляд, к счастью, оставался ясным. Судя по всему, мозг не получил непоправимого ущерба. Он положил руку на выцветшие простыни и приподнялся. Осознав, что находится в своей комнате в ветхих бараках, он с опаской посмотрел на нее.

— ...Как?

— Ага, так и думала, что не вспомнишь. Дальнобойная артиллерия Легиона... Тебя поразил залп Скорпиона, ты потерял сознание. Легион оказывает поддержку с тыла во время отступления. Вообще-то до тебя их не использовали, но... теперь они в деле. Так что знай, даже если Легион начал отходить, нельзя терять бдительность.

Скорпион — артиллерия Легиона, вооруженная 155-мм гаубицей. Они всегда скрывались в глубине на своих территориях, и Элис никогда их не видела. В конце концов...

— Дальность выстрела Скорпиона от тридцати до сорока километров. Это расстояние выходит на радиус обнаружения сенсоров Джаггернаута. Пока не пальнет, об их участии не узнаешь.

У современного вооружения поразительно огромная дальность действия. Даже короткая танковая башня для столкновений на близкой дистанции способна выстрелить на два километра в любом направлении, а гаубица, в зависимости от типа снаряда, — до сорока.

Атака, которую не увидишь с поверхности. С расстояния, которое даже представить себе не может новобранец без опыта сражений.

Элис и «восемьдесят шесть» не была дана артиллерия с той же дальностью выстрела, поэтому если в сражение вступал Скорпион, то он всегда оказывался вне досягаемости 57-мм пушки Джаггернаута, и они были беспомощны перед лицом вражеской бомбардировки.

— Совсем не узнаешь?.. — спросил Шин.

— Ну, можно рискнуть предположить по численности Муравьев поблизости.

Легион также не мог видеть на расстоянии в сорок километров. Даже самые продвинутые оптические сенсоры не способны засечь объекты за горизонтом. Раз дальнобойная артиллерия сама не может подтвердить траекторию или скорректировать прицел, им нужна помощь Разведчиков, развернутых неподалеку от зоны обстрела.

— ...

Но новобранцам это понять пока не дано. Шин умолк в раздумьях, казалось, сбитый с толку.

— В любом случае я рада, что ты в порядке... Или так мне хотелось бы сказать, но...

Шин поднял взгляд, столкнувшись с глазами Элис. Она последовательно осмотрела его. Округлые щеки, как у младенца, белый пластырь над бровью, тонкие руки обернуты бинтами. По всему его телу виднелись синяки да порезы, их невозможно было покрыть все.

— Ты слишком безрассуден... Сколько раз мне нужно это сказать? Перестань сражаться с Легионом в одиночку.

Все его свежие раны он получил в сегодняшней битве. Часть от взрыва после залпа Скорпиона, но в основном до этого.

Он подобрался к Волку чересчур близко и сумел уклониться от взмаха высокочастотного лезвия. Ему удалось избежать прямого попадания, но оно задело кабину и разбило оптический экран. Осколки обрушились прямо на него.

Прошел месяц с назначения Шина в этот отряд. И хотя он единолично справлялся с задачами, выполнение которых не ожидаешь от новобранца, он постоянно нарушал строй во время действующего сражения и в одиночку бился с Легионом. Он сильно рисковал.

Элис могла лишь нервно вздыхать. Она ругала его на каждом собрании, но он ни разу ее не послушал.

— Мы сражаемся с Легионом командой. Здесь, в восемьдесят шестом секторе, нет нужды красоваться. Никого не заботит, откроешь ли ты сражение, или победишь ли врага один на один. Безрассудство означает самоубийство. Взаимодействуй с товарищами по отряду.

— ...Если я отвлеку ряды Легиона, это даст моим товарищам больше возможностей.

— Может и даст, но такого рода уловки не исполняются на ходячих гробах.

Алюминиевая броня Джаггернаута слишком тонкая и хлипкая. Даже самая прочная часть, передняя броня, не выдержит пулеметной очереди. Как итог, все, что они могли, — это уклоняться от атак Легиона, но подвижность также в разы уступала машинам. Быть может, у них выходит избегать попаданий с безопасного расстояния, но не в ближнем бою, когда враг удерживает их на прицеле.

— Но... — попытался возразить Шин, будучи нехарактерно настойчивым.

— Ноузен, — прервала его Элис низким голосом.

Видимо, ради этой позиции он был готов умереть. И, вероятно, потому что искренне желал защитить своих товарищей. Но в этом Элис не отступит. Никогда.

— Хватит. Я не хочу, чтобы кто-либо из товарищей жил с чувством вины за смерть друга, благодаря которой выживут остальные.

Позорная и трусливая жизнь, продолжающаяся из-за жертвы кого-то. Элис еще не потеряла свою гордость. Она не опустится до того, чтобы позволять неоперившемуся новобранцу принимать на себя удар.

— Или ты, может, на самом деле хочешь себя убить? Скажу лишь раз, в моем отряде...

— Я не могу умереть.

Теперь Шин прервал ее. Тонем необычно резким, слишком разнящимся с его молчаливым нравом. Элис умолкла и просто наблюдала за ним. Он опустил алый взгляд, отказываясь пересекаться с ее глазами.

— Я не могу позволить себе умереть. Еще нет. Поэтому... я не умру.

Его взгляд и тон голоса были до ужаса твердыми. Будто он говорил из чувства долга, при том мрачном и с трагическим оттенком.

Он словно заявлял о своей решимости. О своей одержимости.

— Это... — вопрос слетел с уст Элис прежде, чем она успела одернуть себя, — ...как-то связано со... шрамом на шее?

Она заметила, как у Шина на миг перехватило дыхание. Он быстро положил руку на шею, ощупал ее, и когда до него дошло, что бинтов нет, алые глаза распахнулись. Элис нервно поджала красные губы. Этот его жест говорил гораздо больше, чем могли бы передать любые слова.

Гурен говорил ей об этом.

«Могу поспорить, это как-то связано с его шеей.

Ее сжимают эмоции... как ошейник или цепь, они душат его под теми бинтами.»

Но дело не просто в эмоциях. Бледную, изящную шею опоясывал зигзагообразный порез кровавого цвета.

Шрам создавал впечатление, будто отрубленную голову пришили обратно. Что бы с ним не произошло, было видно, что это сделали со злобой. И жестокостью.

Элис увидела широко раскрытые красные глаза. Ощутив на себе этот застывший взгляд, она растерялась. Он был напуган. Мальчик, который не выказывал ни капли страха перед лицом смерти друга или суровых битв, смотрел на нее с таким ужасом, какой ей еще не доводилось видеть.

Он боялся этого вопроса. Боялся вспоминать. Боялся... говорить об этом.

— А-а-а-а, прости, — поспешила Элис уступить. — Моя вина. Я не нарочно.

Республика не посылала врачей, потому что на этом поле боя сражались беспилотники, а они — лишь свиньи в человеческом обличье.

Он потерял сознание, а когда его раздели, именно она сняла бинты, потому что подумала, что они могут затруднить дыхание.

Элис посмотрела на шрам непреднамеренно. Но он явно не хотел, чтобы кто-то его видел.

— Прости. Я рассчитывала, что ты сам замотаешь, как очнешься, но мне не следовало все-таки спрашивать... Пстой, прекрати!

Шин не слушал ее. Он вцепился пальцами в шею. Ногти впились в шрам. Элис взяла его руку. Мягко, чтобы не спугнуть. Как только он перестал сопротивляться хватке, она медленно убрала его руку с шеи.

Хотя он больше не пытался навредить себе, но дышал быстро и неглубоко. Казалось, ледяная хватка паники еще не отпустила его. Юные черты сковало, лицо стало бледным, зрачки сузились до размеров кончика иглы.

Застывший взгляд смотрел куда-то в прошлое и совершенно не видел реальность.

— ...Ноузен.

Он не ответил.

— Ноузен. Посмотри на меня.

Ответа нет... Может, если не по фамилии, то...

— Шин.

Глаза, устремленные в одно место в пространстве, едва дрогнули. Он обратил на нее внимание,

пусть и толику. Элис ухватила за шанс и продолжила говорить, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и собранно.

— Шин. Посмотри на меня. Ты в безопасности. Ну же, посмотри на меня.

Она повторяла те же слова, с нежностью сжав его руки. Спустя... довольно много времени оцепеневшее тело наконец-то расслабилось.

Он закрыл глаза и на выдохе сказал:

— ...Простите.

— Все нормально, — произнесла Элис, неопределенно качнув головой.

Это ее вина, что легкомысленно упомянула про шрам. Ему не за что было извиняться.

— Мне просто... стало плохо, вот и все. Шрам не причем.

Элис кое-что поняла по тому, как он это сказал. Он скрывал шрам, боялся, что его могут увидеть остальные... не из-за любопытных взглядов или потому, что не хотел вспоминать.

□

Он не хотел, чтобы другие винили того, кто оставил этот жуткий шрам. Даже несмотря на очевидную жестокость и злонамеренность.

□

В таком случае...

Элис живо сняла шарф со своей шеи. Затем развернула его, накинула на плечи юноши и обвила вокруг шеи Шина. Завязав легкий узел, она отошла от мальчика.

Шин оцепенел. Она наклонилась вперед, словно хотела обнять. Но он удивленно моргнул, когда почувствовал мягкость вокруг шеи. Он опустил взгляд и по-детски аккуратно прощупал тонкую голубую ткань.

— Вот так, теперь можно скрыть его более естественно, чтобы никто не лез не в свои дела. Все-таки бинты выглядят слишком болезненно.

Будто бессловесный способ сказать, что под ними рана.

— ...Но он не болит.

— Да. Но... — произнесла Элис, обдумывая, что только что увидела.

Она, по правде говоря, не могла понять чувства Шина. Кто-то причинил ему сильный вред, оставив заметный болезненный шрам на шее. И рана была также нанесена его сердцу. Он погрузился в воспоминания уже от того, что кто-то увидел рубец. Тем не менее он настаивал на позиции не винить того, кто это сделал. Элис не могла поставить себя на его место.

Однако...

— ...ты же не хочешь привлекать внимание к шраму, или что бы его в принципе кто-то видел, так? Ты не хочешь, чтобы они винили... нет, ты не хочешь винить того, кто это сделал, верно? Ты хочешь защитить его, не так ли?

Должно быть, вот что на самом деле чувствовал мальчик. Именно такое у нее сложилось впечатление.

— !..

Услышав эти слова, Шин снова поднял на нее взгляд. Всего на миг... На один недолгий миг безэмоциональные кроваво-красные глаза дрогнули, словно он вот-вот бы разрыдался. Элис посмотрела в ответ и улыбнулась. Она как бы говорила, что пусть поплачет, если нужно, но вместе с тем сделала вид, будто не заметила, как слезы отказывались проливаться.

— Прими его в качестве извинений. Можешь оставить себе... Шарф, кстати, очень хороший. Позаботься о нем.

— Но... разве для вас, капитан, эта вещь не важна? Вы же его постоянно носили...

— О, насчет этого не переживай. Его дал мне мой капитан в самом первом отряде. У меня есть плохая привычка... — Она согнула палец, как коготь птицы, и поднесла к шее. — ...чесать кожу вот так. Капитан подумал, что я перестану царапать себя, если что-то будет обернуто вокруг.

Эту привычку она выработала после смерти младшего брата. Он умер от болезни и никак не безболезненно. Тик царапать себя проявлялся каждый раз, как она вспоминала о нем. Бывший капитан не мог оставить это незамеченным и отдал ей шарф, ставший его визитной карточкой. Когда-то он числился курсантом в военно-воздушных силах Республики. Шарф был одним из немногих личных вещей, которые удалось сохранить при себе после того, как его, ставшего «восемьдесят шесть», отослали на поле боя.

В прошлом, когда для обнаружения врага полагались только на зрение, летчики надевали шарфы. Не из прихоти, а потому что из-за поворота головы шея терлась о воротник формы. Для пилотов того времени эта вещица была по-настоящему незаменима.

Но когда в состав основных вооруженных сил вошли радарные вышки и истребители, а тем более после того, как Легион завладел превосходством в воздухе, аксессуар стал не более чем напоминанием о прошлом или, в лучшем случае, талисманом на удачу.

«Так, по крайней мере, он может помочь уберечь тебя от вины.»

С тех пор шарф служил ей памятным подарком. В конце своего срока службы в том отряде ее бывшего капитана зачислили в «Остриё копья», первый оборонительный отряд первого района военных действий восточного фронта. В место, где протекали наиболее яростные сражения. Одно из самых смертоносных районов военных действий восемьдесят шестого сектора, унесшее миллионы жизни.

— Шарф мне достаточно послужил. Теперь же он будет оберегать тебя.

1

Спустя время цвет его лица пришел в норму, и он вернул себе обычное спокойствие. Элис схватилась за возможность и спросила:

— Не хочешь поесть? Как раз скоро обед.

□

Даже у нелюдей «восемьдесят шесть» в бараках имелись базовые удобства. Республика воспринимала процессоров только как части дронов, и дать им задохнуться еще до сражений было бы контрпродуктивно.

Столовая располагала кухней, вероятно, самой жалкой во всем мире, но хотя бы с минимальной инфраструктурой. Где-то в поношенной годами стене, скорее всего, была трещина, потому что внутрь всегда задувал холодный ветерок, отчего в помещении было довольно прохладно.

Когда Элис завела Шина в столовую через прямоугольный вход, Гурен, стоящий на кухне, глянул в их сторону. Он посмотрел на Элис, с сомнением моргнув синими глазами, потом перевел взгляд на Шина, уже поведя бровью. Сперва она не поняла, чем вызвано его удивление, но потом сообразила. Шарф.

— Малой, как вижу, очнулся. Это хорошо.

— Да. Простите, если заставил волноваться, командир бригады обслуживания.

— Будет тебе. И Ноузен, ради Бога, можешь перестать надругаться над Джаггернаутом? Одно дело, когда фюзеляж корежишь, но у тебя подвеска опять стучит.

— ...Мне жаль.

Шин, казалось, шарахнулся от слов в начале, но потом все же собрался и ответил.

Наблюдая за ним, Элис кое-что поняла. Он не ладил со старшими. Ни с подростками в отряде, ни с двадцатилетними членами бригады обслуживания, вроде Гурена. Она припомнила, что ни разу не видела его общающегося со старшими кроме тех случаев, когда обращались напрямую к нему.

У процессоров мужского пола выживаемость была выше благодаря их выносливости, а девушек вроде Элис, кто в среднем выживал дольше, можно считать исключением. Может поэтому он выглядел таким отрешенным. Остальные новобранцы, мальчишки его возраста, погибли за те прошлые недели.

Гурен, чьи упреки не менялись с тех пор, беззаботно пожал плечами.

— Так-с, Шеф. Что у нас на обед? — шутливо поинтересовалась Элис, разглядывая на нем фартук поверх комбинезона.

— К Вашим услугам, Принцесса. В роскошном меню на сегодня представлена гордость нашей родины — пассерованная синтетика, салат из синтетических овощей, суп из синтетических ингредиентов и свежее испеченные синтетические изделия. Насладитесь же этой изысканной пищей, прибывшей прямо из другого измерения.

Проговорив это, Гурен поставил на стол алюминиевый поднос, на котором лежало четыре непонятно чего, похожее на глину. Эту синтезированную пищу ежедневно производили на производственном заводе, имеющимся на каждой базе. Вопреки живописному описанию Гурена, «восемьдесят шесть» подавали только одно блюдо в одном варианте: безвкусные на вид питательные кирпичи.

Выслушав эту порцию сарказма, Шин слегка улыбнулся. Это была очень тонкая улыбка, даже не смешок, но ее хватило, чтобы Элис распахнула от удивления глаза.

Она не припоминала, чтобы хоть раз видела его улыбку. Быть может, он впервые за этот месяц немного расслабился.

В столовой из натурального подавали только чай — для его заваривания вместо чайных листьев использовали травы. Они взяли две чашки и сели за свободный длинный стол. Поскольку

синтезированная пища была еще и боевым рационом, ее не нужно готовить, и процессорам нет реальной необходимости собираться на обед в установленное время или есть группой.

Но большинство процессоров, за исключением совсем уж мизантропов, предпочитали три раза в день кушать вместе с друзьями. И поскольку синтезированная пища на вид вообще не напоминала еду, они пытались «приготовить» ее во что-то более съестное, хотя бы ради приличия.

К «восемьдесят шесть» относились как к скоту, поэтому Республика не утруждала себя заботой привить им любое подобие культуры готовки. Им давали корм, пригодный только для прагматичной цели обеспечить организм необходимыми питательными веществами. Но если покорно принять эту установку Республики, «восемьдесят шесть» взаправду станут не более чем компонентами оружия.

И вот почему, несмотря на бессмысленность, Гурен нарезал блюдо, придав более репрезентативный вид, и разложил по тарелкам — про столовые приборы также не забыл. Такую скромную форму принял его способ сопротивления. Жалкое подобие кухни позволяло только прокипятить воду, но на ней они заваривали чай и кофе из заменителей, чтобы хоть как-то украсить прием пищи.

В рамках этих усилий Гурен полил синтезированные кирпичи каким-то коричневым соусом. Это что-то новое. Соус отдавал сладковатым запахом; Шин раз или два погрузил в него вилку, затем поднес к губам. Прожевал... и неуклюже скорчился.

— ...Ну, чего тут не изобретай, слизь остается слизью, — тепло улыбнулась Элис.

Да. У синтезированной еды не только вид был ужасен: по вкусу это была та еще противная дрянь. После пяти лет в лагерях для интернированных и на поле боя, «восемьдесят шесть» неохотно привыкли к нему. И по-своему изумляло, как спустя годы ты все еще недоумевал по поводу отвратительного вкуса.

Ощущалось как... ничто. Даже отдаленно не напоминало еду. Из-за своей формы большинство сравнивало ее с пластидом. И, возможно, это было недалеко от правды. Какая-то чудотворная гармония вкусов пластика и взрывчатки. Мерзкая, тошнотворная комбинация.

Кстати говоря, настоящий пластид имеет сладковатый привкус, но чрезвычайно ядовит и смертелен при употреблении. Элис была рада, что среди ее знакомых не нашлось ни одного безрассудного или отчаянного идиота, который бы в самом деле попробовал бы его.

— ...

Шин жевал непонятную массу во рту со странным выражением лица, и когда смог проглотить вместе с чаем, выдал свое мнение:

— ...Дрянь та еще, но... хм-м, но сегодня вышло совсем ужасно...

— Правда?

Элис также попробовала немного и на миг умолкла.

— ...Я, наверное, знаю, почему так. Соус дополняет его и делает вкус еще хуже. Что это, кстати? Не узнаю совсем.

— Соевый соус и сахар! — ответил кто-то с кухни.

Элис нахмурилась.

— Опять что-то непонятное... Что за соус-то такой?

Шин в любопытстве склонил голову. Жест был под стать ребенку — напоминание о юном возрасте мальчика.

— Кстати, откуда это все взялось? С завода выходит только синтезированная пища, и я не припомню, чтобы их привозили в качестве припасов...

Элис моргнула. Она ему разве не рассказывала?

— О... Мы же не ходили в те места с твоего назначения в отряд... По окраине сектора есть заброшенные города. Мы берем ингредиенты из кладовых магазинов и домов.

— ?..

Он, казалось, все равно не понял, и склонил голову на другой бок.

— После начала войны эвакуация проводилась в спешке. Много разного добра просто не успели взять с собой. Среди городских руин можно найти много всяких консервов длительного хранения.

На вернувшийся удивленный взгляд Элис невольно улыбнулась. Безвкусная жижа, видимо, до того плоха, что равнодушный ко всему мальчик захотел попробовать что-нибудь еще.

— Но мы нечасто выбираемся туда... Уверена, сейчас ты это понимаешь, но патрулирование восьмидесят шестого сектора занимает отнюдь не пару часов.

Легион умел скрываться от радаров, поэтому «восемьдесят шесть» ежедневно патрулировали территории во избежание внезапных атак.

— Ну, посмотрим еще, нужно будет научить тебя охоте на животных... Заодно, может, найдется применение этому странному соусу.

В восемьдесят шестом секторе обитали не только дикие кролики, олени и кабаны, а еще куры, свиньи и коровы, которым удалось сбежать с ферм. Птиц и кроликов поймать было относительно легко, но в охоту и свежевании крупной дичи все «восемьдесят шесть» и члены бригады обслуживания вносили свою лепту. Вспоминая о тех моментах, Элис скривила губы в грустную улыбку.

— ...Хотелось бы, чтобы и остальные новобранцы попробовали... В лагерях для интернированных же ничего кроме синтетики не подают.

Поскольку лагеря окружали минные поля и колючая проволока, даже дикие звери не могли в них пробраться, а съедобные травы были сорваны еще в первые дни интернирования. Дети вроде Шина, кто попал туда еще слишком юными, вероятно, не помнят, какова на вкус нормальная пища.

Шин не мог прямо ответить на слова сожаления Элис. Вместо этого он оглядел относительно тихую столовую с многими пустующими столами и прошептал:

— ...Нас стало намного меньше.

— Ага.

В сегодняшнем сражении они потеряли еще двоих: численность отряда, который должен состоять из двадцати четырех процессоров, сократилась больше чем вдвое.

Дошло до того, что их отряду требуется пополнение или реорганизация.

— Это неизбежно. Битвы в этом районе весьма суровые.

Сражаться с Легионом никогда не было легко, но на некоторых полях битвы протекали особенно безжалостно. Тридцать пятый район военных действий как раз из таких. Но Элис прикусила губу сразу, как это произнесла. Она только что отнеслась к смертям так, будто они стали каждодневной рутинной... Как она могла сказать такое?

— ...Нет, это не правда. Никакая это не неизбежность.

Смерти ни разу не естественны. Ребята одного возраста с Элис сражаются и погибают

ужасными смертями — в этом нет ничего неизбежного. Как же она могла сказать такое?

— Капитан?

— Прости. Это не неизбежно. Они выживали, и каждый из них жил своей жизнью. Их потеря не может быть простой неизбежностью.

Пусть даже если смотреть под таким углом, выживать на поле боя станет проще. Быть может, только на благо перестать чувствовать до такой степени, что онемеешь к миру. Но все равно...

— Они были твоими друзьями. Теми, кого ты ни за что бы не захотел потерять... Прости.

— Не нужно... — Шин медленно качнул головой. Затем посмотрел на нее, будто набрался решимости. — Капитан... если бы можно было заранее узнать о Скорпионах...

Удивленная внезапной сменой темы, Элис безучастно глянула на Шина, когда тот продолжил с отчаянием.

— Если бы можно было заранее узнать о нападениях... Если можно было бы понять, что собирается делать Легион, тогда остальным членам отряда не пришлось бы погибать?..

Элис удивленно поморгала, прежде чем цинично улыбнуться.

— Если бы только подобное было возможным...

Но будь это действительно возможным, Элис и, по правде говоря, любой из «восемьдесят шесть» до них уже давным-давно с этим бы разобрался. Шин выглядел так, будто набрался решимости о чем-то рассказать, но она остановила его поднятой рукой.

— ...М-м. Прости, верхушка вызывает. Расскажешь как-нибудь в другой раз.

Шин, казалось, хотел договорить, но все-таки сдался и кивнул.

— ...Хорошо.

□

Элис оборвала общение и быстро вышла из столовой, потому что человек по ту сторону активировал парарейд в одностороннем порядке. Она не хотела, чтобы Шин слушал их разговор. Не хотела, чтобы он слушал холодную остроту в ее голосе.

— ...Медленно реагируешь, свинья.

— Прошу прощения, Куратор Один. Шумно было.

Властный голос, передающийся через синхронизацию, принадлежал командующему офицеру, солдату Республики, укрытому в безопасных стенах.

Парарейд — устройство связи, использующее коллективное бессознательное для передачи чувств и речи. Этой прорывной технологии ничто не могло помешать: ни расстояние, ни материальные препятствия, ни электромагнитные помехи.

— Шумно? Звучало так, будто ты играла с милым щеночком. Только больно мелким, чтобы затащить к себе в постель, не думаешь? Или ты решила сперва подготовить почву?

— Ублюдок, — выплюнула Элис.

Офицер захохотал. В его мире нет более приятного времяпрепровождения, чем истязать посаженных на цепи собак, которые не могут укусить.

— Наговаривать на меня, когда я расщедрился на информацию? Смелая... Есть признаки активизации передовой группы Легиона. Вероятно, в ближайшее время они начнут атаку, зачистите их, как обнаружите.

Элис пробрало от понимания, и она возразила:

— ...Но что насчет запроса о пополнении процессоров? Численность отряда упала больше чем вдвое. С нынешними силами...

— Избалованная свинья. Силы уменьшились из-за ваших напрасных смертей, потому что вы не можете расправляться с Легионом даже когда на кону стоят ваши никчемные жизни. Ты всерьез ожидаешь от нас, людей, трату времени на низшую расу?

Элис едва сдержала порыв сказать, чтобы он хотя бы раз попытался взять на себя командование. Оставив любые сражения «восемьдесят шесть», и закрывшись в стенах, Республика не имела ни малейших намерений участвовать в войне. И несмотря на свой долг и обязанности, Куратор также не утруждает себя командованием.

Лучше бы он вообще не синхронизировался с ними. Слушать смех Куратора, который наблюдал за смертями ее друзей, точно смотрел фильм, было унижительным. Если бы Элис могла на это повлиять, она не стала бы проходить через это вновь. Никогда.

— Отвечай, свинья.

— ...Будет сделано, сэр.

0

Первый оборонительный отряд тридцать пятого района военных действий, «Алебарда», так и не вернулся с вылазки.

Но в восемьдесят шестом секторе такое происходило постоянно. Ангар, в котором днем ранее стояли Джаггернауты, теперь пустовал. Оглядев пустынное и просторное помещение, Гурен тяжело вздохнул.

Он бы все отдал за сигарету. Особенно в такие моменты. Но, естественно, никто не доставлял сюда, на поле боя для свиней в человеческом обличье, подобной роскоши.

Поле боя верной смерти. Сражаться и погибнуть — таков единственный жизненный путь «восемьдесят шесть». Поэтому сегодняшний день смерти остальных не должен вызывать боль. Словно это было предрешено. По крайней мере, для тех гордых высших Альба, что заперлись в стенах.

Гурен опустился на бетонный пол, прижимаясь к колонне.

— Дерьмо...

В начале войны он просматривал каждый отчет о техническом обслуживании, мучая себя мыслями о том, что, быть может, это их — бригады обслуживания — ошибка. Но сейчас он уже этого не делал. И уже давно перестал улучшать всякие мелочи путем проб и ошибок, чтобы сделать алюминиевые гробы хоть чуточку безопаснее.

Тогда он постоянно спрашивал себя, можно ли еще что-нибудь придумать, чтобы предотвратить смерти... Быть может, они могли бы поменять что-то. Но не теперь.

Ничего он не мог сделать. Сейчас он это понимал. Запечатлев столько смертей, бесцеремонно нагроможденных друг на друга, понимание пришло быстро и болезненно, как нож в сердце.

Мы бессильны. Мы не можем даже на йоту изменить уготованную судьбу. А «восемьдесят шесть» — нелюди, отбросы — было запрещено даже думать о возможности что-либо изменить.

Услышав стремительные шаги военных сапог, он вяло поднял взгляд. Его лицо заросло щетиной: он не брился утром, поскольку понял, что никто так и не вернулся. Один из членов бригады обслуживания вбежал в ангар через вход.

— Гурен, — сказал он.

— Чего тебе?.. Не о чем уже переживать, разве нет?

Член бригады с ошарашенным видом пытался отдышаться. Через сбившееся дыхание он наконец-то сказал:

— Один вернулся.

Глаза Гурена широко распахнулись в неверии.

†

Конструкция Джаггернаута была до того плохой, что между навесом и кабиной, даже если та закрыта, всегда оставался небольшой зазор. Но и его не станет, если кабину сплющит.

По-видимому, силовая установка Джаггернаута продолжала работать после окончания битвы.

Падающий снег таял сразу, как касался агрегата.

Он взял металлический стержень и вставил в едва видневшуюся щель. Затем использовал его на манер рычага, чтобы открыть кабину.

И когда он заглянул внутрь... тихо сглотнул.

— ...Капитан.

†

Также, как солнце всходило на востоке, ярко ослепляя в своем упрямом неповиновении отчаянию членам бригады обслуживания, теперь оно эгоистично заходило на западе. Сумеречный свет был темно алого цвета: по заснеженному полю под вечернее зарево кралась тень.

Он ступал по снегу, наметенному за ночь, казалось, совсем не замечая Гурена и остальных из бригады, кто бросился к нему.

Джаггернаут передвигался медленно, как для фердреса, но все еще быстрее человека и тем более подростка. С его отправки прошел день и ночь. И все это время он шел безостановочно, вероятно, без сна. Он пробирался через бродящий Легион, волоча уставшее тело.

Камуфляжная форма свисала с него. Черные волосы и голубой шарф намокли от снега. Но внимание приковывали к себе эти кроваво-красные глаза, выделяющиеся даже на фоне алого зари сумерек.

— Ноузен...

Но к нему никто не приблизился. Каждый, включая Гурена, оцепенел и, затаив дыхание, таращился на него.

□

Услышав голос, Шин остановился и поднял взгляд. Он все это время смотрел вниз на круглый предмет в руках, который прижимал к запачканной кровью груди.

□

Ее покрывала ткань — теперь уже красная от крови. Сохранилась лишь часть красивых черт, но размеры говорили сами за себя.

Это была половина головы Элис.

— !..

От этого зрелища Гурен засомневался в рассудке мальчика, но в кроваво-красных глазах он не нашел безумия. Совсем напротив, на самом деле. В них отражалась ясность ума. Мальчик поджал губы, будто сдерживал гнев, но на запачканных грязью и кровью щеках нет влажных следов слез.

Когда он взглянул на Гурена своим усталым и изможденным взглядом, то словно расслабился. Но командир и остальные не пошевелились. Наверное, они задались вопросами, вроде: «Как?» и «Почему?», хотя причина угадывалась и так.

Человеческое тело весило много. И пусть она была девушкой, но высокой и старшей в отряде. Шин, еще совсем мальчишка, не мог тащить на себе такой вес. Кроме того, после сражения с Легионом состояние тела навряд ли располагало к перемещению.

Так ему пришлось взять только часть. Он не мог вернуться с телом, и, наверное, подумал, что по крайней мере заберет отсеченную голову.

Здравый разум ни за что бы не пришел к такому решению. Это было проявлением притупляющего безумия поле боя. Но в основе действий мальчика лежала именно доброта, велевшая вернуть друга домой. И правда в том...

Гурен невольно сжал зубы: так сильно, что слышался скрежет.

Правда в том, что они должны похвалить его. «Ты молодец, тебе удалось вернуть хотя бы Элис, — должны они сказать. — Ты искренне заботишься о своих товарищах». Они должны поблагодарить его за то, что он сделал.

□

«Если бы мы... Если бы я... Если бы Шин... Если бы Элис... Если бы только “восемьдесят шесть” считались людьми...

Дерьмо...»

□

Гурен взглянул на небо.

«О, боже, боже... За что?..

Какой грех мы совершили?.. Почему нам нужно говорить ему совсем о другом?..»

— Ноузен, ты... не можешь так поступать.

Шин моргнул кроваво-красными глазами в несвойственной ему детской манере. По взгляду ясно читалось, что он не понимал, о чем говорил Гурен. Но тот, смотря на мальчика сверху вниз, продолжил.

Его слова были безжалостны. Слова противоречили здравому смыслу и человеческому достоинству. Но это то единственное, что он не мог позволить совершить.

Шин выжил, один. Он единственный, кто выбрался. И поэтому Гурен не мог дать ему умереть.

— Элис не может вернуться на базу... такой. Мы не можем возвращать тела «восемьдесят шесть». Ты знаешь об этом. У «восемьдесят шесть» нет могил... и нам не разрешено их выкапывать.

Таким было это гуманное поле боя без потерь, которым гордилась Республика. И страна никому и ничему не даст разбить фасад непогрешимости. У несуществующих жертв не может быть могил. Они не могут выкапывать могилы для тех, кто не погибал — по крайней мере, по документам. И поэтому...

— Ты не можешь так поступать. Мы не можем дать тебе пройти на базу с Элис.

— ...

Он моргнул кроваво-красными глазами. В замешательстве. В недоумении. Гурен стиснул зубы, наблюдая за ним. Да, он понял. Рассудок Шина висел на волоске. Все его товарищи — друзья, с которыми прожил недолгие несколько месяцев — погибли у него на глазах за одну-единственную ночь. Их убили в безжалостной односторонней резне.

Как он мог при этом сохранить рассудок? Взбеситься — вот что естественно в таких обстоятельствах. И балансируя на краю безумия, он мог только зацепиться за долг вернуть товарища домой. Он защищал свой разум, цепляясь за человеческую этику.

— ...Но...

— Никаких «но»... Ты помнишь, о чем говорила Элис, помнишь ведь? А знаешь, почему она так сказала? Не потому, что тела совсем не остается. Неважно, сохранился труп или нет, ведь его нельзя хоронить... Потому что большее, что может сделать каждый, — это оставить свои имена.

Кроваво-красные глаза широко распахнулись.

«Все вы, давайте дадим обещание. Мы высечем имена погибших на обломках их агрегатов, а выживший понесет за собой.

Так тот, кто выживает до самого конца, может понести с собой всех остальных к своему конечному пункту назначения.»

Вот оно. Он наконец-то понял смысл слов Элис... как процессора, прожившего несколько лет в восемьдесят шестом секторе. Даже если они сражались до самой смерти, у них никогда не будет надгробия. И это обещание было последним утешением перед лицом судьбы. На большее спасение они не могли надеяться, как и не могли получить ничего лучшего.

Но он все равно медленно качнул головой. Было ли это отрицание или неприятие, или?..

— Пусть запрещают... что с того? Какая разница, что говорят те из Республики, их здесь даже нет...

— Нет, все еще не можешь, — процедил Гурен.

— Но...

Почему паршивец не слушает? Он до сих пор понятия не имел... и не подозревал о злобе восемьдесят шестого сектора. Он даже не пытался понять боль того, кто вынужден говорить о ней!

— Мы не можем, потому что не можем! Если пойти против них и начать выкапывать могилы, и Республика про них узнает, что тогда белые свиньи сделают, знаешь?! Они убьют тебя, процессора, вот что! Даже на возраст не обратят внимания!

Граждане Республики заперлись внутри стен, но это не значит, что они никогда не появлялись на поле боя. Они занимались транспортировкой припасов и процессоров, вели записи назначений в отряды. Солдаты часто наведывались в восемьдесят шестой сектор для выполнения этих обязанностей.

И взять тех сборщиков мусора, падальщиков, которых Республика также создала. Кто скажет наверняка, что в них не встроено некое подобие устройств слежения? Кто знает, откуда белые свиньи могут следить? И если они каким-то образом обнаружат запрещенные могилы, последствия очевидны.

— Они не убьют нас, из бригады обслуживания, потому что заменить нечем. Избавятся от тебя. И не только от того, кто выкопал могилу, нет, они угробят весь отряд! Понимаешь? Если могилу обнаружат, Республика перебьет всех детей в отряде! Всех и каждого! И по твоей вине!!!

На миг алые глаза Шина раскрылись и застыли, будто от молнии. Гурен пришел в замешательство от этой чрезмерной реакции и умолк.

Такое чувство, будто всего на секунду красный взгляд смотрел не на Гурена, а на что-то далекое-предалекое. Там мелькал страх, одержимость, стимул и даже глубоко укоренившиеся самобичевание и покаяние.

Но потом Шин понурился и отступил назад, словно скрывая ужас в застывших глазах. И, опустив взгляд вниз, он зашептал угасающим голосом:

— ...Мне жаль.

Гурен качнул головой. Он зашел слишком далеко, и Шину не за что было извиняться. Правда в том, что Шин поступал по-человечески правильно. Но ни он, ни Элис, ни Гурен больше не были людьми. Вот и все.

— ...Ноузен.

Гурен подошел к Шину, но тот отпрянул, будто защищал Элис в своих объятиях. Выражение лица застыло, боль наводнила красные глаза. Он не мог взглянуть Гурену в лицо.

— Я не брошу ее, — сказал Гурен. — Я верну ее в землю... Не на поле боя, так далеко я не смогу пройти. Но похороню где-нибудь подальше отсюда.

Даже так, это все еще восемьдесят шестой сектор, и Легион мог скрываться повсюду. Опрометчивый поступок, но Гурен не стал об этом говорить.

— ...

— Я разберусь с остальным... Ты сделал многое уже своим возвращением.

Он протянул руку и забрал останки Элис. В этот раз Шин не стал сопротивляться.

— ...Оу, вот так.

Как только руки Шина освободились от веса, напряжение опустошило его тело. Мальчик пошатнулся, и Гурен подхватил его одной рукой. По-видимому, он потерял сознание... Усталость и психологическая нагрузка довели его до предела.

— Гурен.

К нему поспешил один из бригады обслуживания.

— Прости, можешь его отнести? Пускай хотя бы сегодня отдохнет.

Оставив Шина на его попечение, Гурен пошел на восток под темный занавес сумерек. Он нес с собой безмолвные останки Элис. В этот момент ему пришла в голову мысль: Шин ведь не проронил ни слезинки.

□

Каким-то образом он проскользнул мимо патруля Легиона и дошел до разрушенной церкви, где в саду роз похоронил останки Элис.

— Так теперь ты оставляешь остальных позади, а, Элис?

От Элис так мало осталось. Он выкопал для нее небольшую дыру. И среди мерцающего полотна снега не нашлось цветка, который он мог бы сорвать и преподнести ей. Но у «восемьдесят шесть» нет могил. Элис как никто другой об этом знала.

— Оставляешь этого мальчика?.. Жестокая ты женщина, знаешь?

Все процессоры жестоки в этом смысле, если честно.

†

Каждые шесть месяцев, когда истекал отведенный срок, или когда все погибали, отряд распускали и реорганизовывали. В случае полностью разбитого отряда Алебарда, в котором выжил только Шин, всех его членов заменят другими, а самого Шина назначат в новый отряд.

Гурен провожал Шина у транспортного самолета с солдатами в форме берлинской лазури, который здесь затем, чтобы переслать мальчика через минные поля в следующий район военных действий. Он сжимал в руках сверток ткани. Он обхватил его также, как голову Элис, но в этот раз в нее были завернуты металлические пластинки. Увидев их, Гурен поджал губы.

— Ноузен, это...

— Я единственный выжил, — ответил он твердо и резко.

Шин с тех пор отказывался смотреть на Гурена. Он ни слова не сказал кому-либо из бригады обслуживания после возвращения с поля боя. Он словно избегал живых, словно не хотел, чтобы его беспокоили.

Словно использовал это время, чтобы лицом к лицу столкнуться с погибшими товарищами и высечь их в памяти. В свертке, который он держал, были металлические пластинки с именами двадцати трех погибших членов отряда. Холодный ветер вперемешку со снегом проносился через поле боя, вызывая шелест голубого шарфа на его шее.

Последнее воспоминание и прощальный подарок Элис, в котором запечатлены ее чувства.

На миг кроваво-красные глаза, отказывающиеся смотреть на Гурена, будто исказила скорбь. Горькая и беспомощная. Но Шин все равно не пролил ни слезинки.

□

— Я дал обещание капитану Лараш и всем остальным в отряде. Обещание между мной и всеми погибшими. Поэтому я возьму каждого... и поведу за собой до своего конечного пункта назначения.

Дополнение

Заметив полуоткрытую дверь, Райден заглянул внутрь. Комнату заливал яркий солнечный свет, и Шин лежал на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Он свернулся калачиком, как ребенок; одеяло едва прикрывало его спину.

Глядя на эту сцену, Райден раздраженно выдохнул. От двери до кровати тянулась полоса из снятого верха формы пилота и рубашки с воротником, точно подобие оставленных следов. Отношение Шина к повседневной жизни было слишком грубым и беспорядочным. Пугающая противоположность смертельной точности, с которой он балансировал между жизнью и смертью на поле боя.

Его мало что интересовало, он почти не заботился о себе, и это проявлялось как в сражениях, так и вне их.

По крайней мере, Шину даже в голову не приходила мысль хотя бы аккуратно сложить одежду и убрать ее. Но судя по тому, как она была разбросана в, казалось, случайном беспорядке, он, должно быть, сильно устал.

Тут-то Райден задался вопросом, пусть и тривиальным: как Шин умудрился выжить в общежитии специальной офицерской академии? Дисциплина там соблюдалась строго, и он не мог себе представить, чтобы на его поведение закрывали глаза.

Одногруппник Шина в очках из академии саркастично бы заметил, что тот хорошо справлялся во время учебы, но, к сожалению, Райден все равно с ним никогда не пересекался.

Так или иначе, он зашел в комнату под громкий стук военных сапог о пол. Он прошел, подобрал верх пилотной формы и рубашку, а потом...

— Уберись, придурок.

— ?!.

Бронированная форма хоть и сделана из ткани, но она была пуленепробиваема, устойчива к порезам и довольно тяжелой. Свалившегося добра на голову, пусть и поверх одеяла, хватило, чтобы Шин проснулся от шока. Пацан высунулся из горы ткани и заговорил сонным голосом:

— ...Чего? — спросил он хрипло.

— Не чегокай мне тут. Я все понимаю, у нас всю ночь шла тренировка, но сперва убери нормально свою одежду и только потом заваливайся спать.

И почему в его взгляде читался упрек? К слову, Райден этого не знал, но из-за его тяги к подобным комментариям его за спиной называли «мамочкой».

Шин молча сел на кровати. Верх формы скатился с головы на пол. Он был одет в простую майку солдата Союза. Задрезжали два жетона — их бы никогда не выдали им в восемьдесят шестом секторе — на серебряной цепочке. Скользнув взглядом по серебряному сиянию, он уставился на красный шрам, опоясывающий шею.

Райден задумался. Когда Шин перестал категорично прятать шрам от чужих глаз?

Когда они только познакомились, Шин терпеть не мог выставлять его напоказ. Он всегда оборачивал шарф вокруг шеи, и его сильно раздражали те, кто просто упоминал о шраме. К тому времени, как он устаканил свои чувства и рассказал, как все было, он уже перестал одержимо прятать его ото всех. Хотя по большей части предпочитал скрывать шарм за шарфом.

Райден с прибытием в Союз и по началу службы в армии беспокоился на этот счет. Здесь под военной формой подразумевался двубортный пиджак, и пусть воротник прикрывал значительную часть шеи, шрам оставался виден под определенным углом. Это также можно было исправить, немного изменив способ носки формы, но уж точно не в специальной офицерской академии.

Райден тогда искренне переживал, но ни словом об этом не обмолвился, поскольку Шин, казалось, не воспринимал это за проблему. Летом он никогда не ослаблял галстук и продолжал носить шарф, даже в сражении. Так что, по крайней мере, он еще не избавился от намерений скрывать шрам.

Райден бросил взгляд на сложенный голубой шарф, выцветший за годы воздействия солнца на поле боя.

...Когда их спас Союз, все личные вещи спустя какое-то время отдали назад, и Шин тогда попросил вернуть только шарф и пистолет.

— ...Уверен?

Шин сперва моргнул, озадаченный внезапным вопросом Райдена, но проследив за взглядом, который упирался в шарф, он туманно кивнул.

— Ага...

Он приложил руку к шраму. Скорее всего, жест вышел бессознательно. Затем он пожал плечами.

— Думаю, он уже достаточно обо мне позаботился. У меня просто нет причин отказываться от него... Все-таки шарф достался мне от первого человека, кого я пообещал взять с собой.

— ...

Так значит, это был прощальный подарок от бывшего товарища. Кого-то, кого Райден не знал, с первого отряда Шина. Шин скривил губы в грустную, искреннюю и где-то мягкую улыбку. Когда Райден только с ним познакомился, он представить себе не мог, чтобы этот пацан мог

так улыбнуться.

— Сейчас меня это мало заботит, но... Я не хотел бы, чтобы кто-либо узнал про эту историю... Особенно Лена.

Историю о том, кого уже не было в живых. О том, кого ему пришлось сразить любой ценой... хотя никогда по-настоящему не ненавидел. Историю о том грехе.

<http://tl.rulate.ru/book/36621/2030793>